

ПОЛИТИКА

Л. Г. Фишман

**НЕ ПРЕНЕБРЕГАЯ
«РЕАКЦИОННЫМ»**

Леонид Гершевич Фишман — доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН (Екатеринбург). Для связи с автором: lfishman@yandex.ru.

Аннотация. Статья посвящена поиску ответа на вопрос, почему, несмотря на, казалось бы, давнее достижение достаточных для построения если не коммунизма, то социализма материально-технических условий, левые силы не могут этим воспользоваться и уступают инициативу силам правым, консервативным и даже реакционным. Истоки такого положения дел автор видит в том, что в мышлении левых до сих пор преобладает плоский либеральный прогрессизм, где господствуют шаблонные представления о прогрессивном и реакционном, но нет инструментария, позволяющего адекватно оценить причины «реакционных» симпатий широких масс и признать наличие у этих масс хотя бы «оснований для беспокойства».

В качестве теоретической основы анализа используется концепция человеческой предыстории классиков марксизма. Показывается, что лежащая в ее основе дихотомия отчужденного и подлинного, человеческого и бесчеловечного не совпадает с дихотомией реакционного и прогрессивного. Эпоха Модерна рассматривается как в такой же степени эпоха реакции (в буквальном смысле слова, свободном от идеологических коннотаций), как и прогресса. С целью прояснения ситуации вводится понятие ретропрактики, призванное описать внешне «реакционную» и «консервативную» сторону Модерна. Ретропрактики, в отличие от «реакции», обладают эмансипаторским и ослабляющим отчуждение потенциалом. Упущение левых заключается в том, что они не могут всесторонне осмыслить значение ретропрактик, поскольку видят в них только «реакцию» и «консерватизм» в привычном понимании. Но социализм, если он будет реализован, в значительной степени окажется именно совокупностью ретропрактик.

Ключевые слова: марксизм, Модерн, отчуждение, прогресс, реакция, ретропрактики, социализм

Введение

Левые мыслители неоднократно провозглашали, что в современную эпоху созрели материальные предпосылки если не для социализма и коммунизма в прежнем понимании, то уж точно для посткапитализ-

ма. Но перспектива социализма, коммунизма или даже посткапитализма все еще остается туманной, зато резко выросло политическое влияние консервативных и реакционных умонастроений, религиозного фундаментализма разных сортов, правого популизма. И все это происходит на фоне окончательного перерождения социал-демократов, краха коммунистического движения, распространения левого либерализма, интерсекционализма, левого популизма, которые ни все вместе, ни по отдельности не сумели переломить общий консервативный тренд. Один из примеров этого — господствующая традиционалистско-консервативная риторика в современной России, которой левые мало что могут противопоставить и с которой отчасти вынуждены солидаризироваться. Является ли это следствием исторической случайности или же результатом более глубоких процессов, которые левые не смогли осмыслить и потому теперь оказываются в положении тех, кого «судьба тащит»?

Чтобы ответить на эти вопросы, требуется несколько предварительных пояснений.

Модерн как эпоха реакции

Прежде всего, что такое эпоха Модерна, которая к нашему времени то ли закончилась совсем, переродившись в Постмодерн (тоже превратившийся во что-то другое), то ли все еще длится в виде Высокого Модерна? Обычно принято ассоциировать Модерн в первую очередь с прогрессом, однако это односторонний взгляд, и дело здесь не только в присущей Модерну «проклятой стороне вещей».

В реальности эпоха Модерна в такой же степени является эпохой *реакции* (в буквальном смысле слова, свободном от идеологических коннотаций), как и *прогресса*. Модерновые общества сильно изменились по сравнению с теми, в которых вынашивались идеи революционного изменения мира. Изменились они потому, что эти идеи были во многом реализованы, воплотились в институты и практики, которые чем дальше, тем больше стали выказывать лишь относительную прогрессивность и обнаруживать свои темные стороны. Кроме того, модерновые общества резко изменились демографически. Там, где век или полтора назад большую часть населения составляла молодежь, которую можно было увлечь перспективой революционных перемен, теперь преобладают люди среднего возраста и пожилые, скорее склонные искать решения сегодняшних проблем в практиках прошлого. Так или иначе, в «состарившихся» модерновых обществах воплощенные *утопии* стали *антиутопиями* и породили закономерную *реакцию*, которая зачастую обречена корректировать сделанное во время реализации утопий. Чтобы осмыслить причины этой коррекции, надо иметь философию истории, политологию и социологию, способные как минимум поставить вопрос о действительной роли реакции в истории. Но вместо теории, позволяющей понимать противников, среди левых превалирует плоский либеральный прогрессизм, в котором господствуют

шаблонные представления о прогрессивном и реакционном и нет инструментария для адекватной оценки причин «реакционных» симпатий широких масс и признания за ними хотя бы относительной правоты, наличия «поводов для беспокойства». Гораздо проще обвинить массы в чем-то вроде ressentimentа и на этом основании отказать им в полноценной политической субъектности.

Есть ли выход из данного теоретического и практического тупика?

**Отношение
классического
марксизма
к реакции
и прогрессу**

Выход этот просматривается, если отталкиваться от марксовской концепции человеческой предьстории. Хотя может показаться, что классики марксизма связывали человеческую предьсторию преимущественно с отчуждением, она вовсе не являлась для них сплошной юдо-люью скорби ни с точки зрения человеческого духа, ни с точки зрения массовых практик. Как известно, Карл Маркс и Фридрих Энгельс признавали за представителями уходящих в прошлое классов возможность правомерной критики «прогрессивных» преобразований с более высоких, гуманистических позиций, отраженных, например в произведениях искусства. Также в предьстории находилось место для практик неотчужденного бытия, и порой весьма массовых. И это отнюдь не всегда были революционные практики, осуществлявшиеся во времена великих переломов.

Итак, согласно Марксу, предьстория не сводится к развертыванию самоотчуждения родовой сущности человека в сугубо негативном плане. Уже у Людвиг Фейербаха, от которого Маркс отталкивался в этом вопросе, отчуждение (и как опредмечивание, и в более широком смысле слова) есть одновременно историческое условие самореализации. В предьстории по определению не может быть примеров подлинного освобождения человека, полного развития его родовой сущности. Если у человека действительно имеется родовая сущность, то в истории человечества она чаще всего проявляется отчужденным образом. Отчуждение на долгий период становится неустранимым фоном ее раскрытия; без отчуждения она во многих случаях так и осталась бы непроявленной, чистым потенциалом. Дело, как говорил Маркс, заключается в том, чтобы изменить мир, то есть не просто констатировать отчуждение в его исторически конкретной форме, но раз за разом обнаруживать и актуализировать сопутствующий ему потенциал самореализации — и не только на индивидуальном уровне. Но эта реализация возможна лишь путем переплетения с формами отчуждения и самоотчуждения. Все это совершается в рамках марксовской предьстории, которая представляет собой, если исходить из буквального смысла марксовской метафоры, слоеный пирог различных отношений неравенства, эксплуатации, отчуждения и самореализации.

При этом в период предьстории «старые» отношения неравенства могут восприниматься как инструмент отрицания и ограничения «новых» видов неравенства. Например, элементы сословности ограничи-

вают рыночно обусловленное неравенство. Выражаясь словами Питера Вагнера, прогресс по преимуществу достигается «не за счет взаимодействия между свободными людьми, а за счет господства и сопротивления господству»¹. Утрируя, можно сказать, что в предыстории одно насилие эффективно ограничивается лишь другим и в промежутке между всеми этими неравенствами и насилиями в конечном счете и возникает пространство свободы и самореализации. В этом плане пресловутое «бегство от свободы» выглядит безусловно таковым только при негласном принятии аксиомы, что каждая новая формация (в том значении, которое вкладывалось в это понятие, в частности, в «пятичленке» советского марксизма) непременно несет с собой бóльшую степень свободы, чем предыдущая, или что «любое снятие ограничений ведет к увеличению свободы»². Но это не так, что подтверждается и практикой, и наличием в равной степени как революций, так и «реакционных» философий, которые не были бы столь привлекательны, если бы опирались на одни иллюзии и грезы об утраченном золотом веке.

Ключевой вопрос, на который наводит марксова теория отчуждения: откуда берутся образы неотчужденного бытия, от которых вольно или невольно отталкивается критический анализ отчуждения? Ответ давно известен: они берутся не в последнюю очередь из докапиталистического прошлого, начиная со времен родового строя, античности, средневековья. В «Экономических рукописях 1857—1859 годов» Маркс не случайно заявляет, что «древнее воззрение, согласно которому человек, как бы он ни был ограничен в национальном, религиозном, политическом отношении, все же всегда выступает как цель производства, кажется куда возвышеннее по сравнению с современным миром, где производство выступает как цель человека, а богатство как цель производства»³. Как заметила Ханна Арендт, «с одной стороны, Маркс наблюдал определенные тенденции, которые уже нельзя было понять, оставаясь в рамках традиции, а с другой стороны, он осмыслил и систематизировал их посредством традиционных понятий и идеалов»⁴. Действительно, если мы возьмем, например, отношение Маркса к труду, то сразу выяснится, что он не вполне разделял мнение о высочайшем, системообразующем значении труда, которое было общим местом во времена промышленной революции, когда труд считали частью человеческой природы. У Маркса же акцент делался на «критике труда», в которой он во многом опирался на античные представления о его ущербности, второсортности в сравнении с досугом, занятиями политикой, философией, искусством. Что это, как не реакция на издержки общественного бытия, в котором труд стоит на первом месте, является предметом апологии и буржуазных, и пролетарских идеологов как источник общественного богатства, но вовсе не обязательно делает человека свободным? Такой труд, конечно, нуждается в идеологическом принижении⁵, его следует критиковать, пусть даже с утрированных позиций, вдохновленных идеалом лени (как в известном произведении Поля Лафарга «Право на лень»⁶).

¹ Вагнер 2022: 77.

² Там же: 90.

³ Маркс 1962: 275.

⁴ Арендт 2014: 33.

⁵ В то же время идея труда как занятия, подчиненного необходимости, но вместе с тем возвышающего, сама является своего рода освобождающей реакцией на бессмысленное паразитическое существование, характерное для части высших и средних классов. Именно с этой точки зрения, как реакцию, а не саму по себе, ее и надо оценивать.

⁶ Лафарг 2012.

Точно так же, как к труду, Маркс критически относился и к прогрессивности капитализма. Капитализм, при всех дифирамбах в его адрес, был для Маркса лишь *относительно* прогрессивен, и это в первую очередь касалось пронизывающих его социальных связей, отношений между людьми. Маркс мог осознавать неизбежность разрушительного влияния капитализма и прогресса вообще на эти отношения. Но его симпатии обычно оставались на стороне жертв такого прогресса, сопротивлявшихся ему; с точки зрения человечности объединявшая их социальная организация (например, общинная) выглядела намного предпочтительнее приходившей ей на смену «прогрессивной» капиталистической. Можно утверждать, что для Маркса прогресс в науке, технике, экономике отнюдь не совпадал с прогрессом в морали или, точнее, что для Маркса прогрессивность не была синонимом добра (как она не была синонимом добра для просветителей вроде Жан-Жака Руссо или Габриеля Бонно де Мабли), а реакционность — зла. Поэтому и марксова критика капитализма не была морализирующей в собственном смысле; симпатии к жертвам прогресса не являлись следствием «абстрактного гуманизма», пробивавшегося «вопреки» общей логике философа. Корень этих симпатий находился там же, где и причина склонности Маркса и Энгельса находить примеры гармоничного человеческого развития в докапиталистических и раннекапиталистических обществах. Поэтому и попытки «ненаучного», стихийного, архаического сопротивления капитализму, равно как и стремление избежать его развития, опираясь на докапиталистические отношения, не могли ими расцениваться исключительно как «реакционные», что особенно ярко проявилось в конце жизни Маркса в вариантах его знаменитого письма Вере Засулич⁷.

⁷ *Архив 1924:*
265—286.

Итак, история человечества была для классиков марксизма историей роста степени свободы и самореализации в повседневности, включавшей в себя не одну лишь рутину угнетения и отчуждения, но и ставшие привычными и оттого незаметными проявления свободы — в виде постепенного увеличения бытового и технического господства над окружающим миром. Другой аспект возникновения нового пространства для самореализации и освобождения является обратной стороной классового деления: начиная с эпохи рабовладения все более многочисленные представители господствующих классов и их интеллектуальной услуги обретают досуг, а тем самым возможность пусть обычно и одностороннего, но творческого развития. Отсылая к известному гегелевскому концепту, можно сказать, что «диалектика раба и господина» имеет не только негативные следствия. Всегда остается место для радости от своей деятельности и для практического гуманизма, содержание и механизмы которого, будучи имманентными структурами любого общества, выступают в качестве реальных универсалий здоровой общечеловеческой культуры, ибо в своей функциональности они суть инструменты поддержания социального бытия и порядка. Социально-антропологический рай находится там же, где и ад, — в области

тесного переплетения и взаимной обусловленности ситуаций отчуждающей несвободы и практик и актов освобождения и самореализации.

Есть основания полагать, что духу марксизма отвечает скорее представление, что «человек рожден для счастья, как птица для полета», нежели взгляд на человеческую жизнь как шествие через долину скорби. И если только перед человеком открывается соответствующая возможность, он способен достичь самореализации в разного рода деятельности. Иначе откуда взялись бы, скажем, великие достижения античной, средневековой, ренессансной культуры? На уровне массового быта история тоже дает нам образцы такой самореализации — широко распространенные примеры (относительно) здорового и гармоничного «простого человека». И это не вымышленный персиянин или ирокез просветителей. Маркс, как было неоднократно замечено, во многом обличал капитализм с позиций, похожих на консервативные, по крайней мере с точки зрения некоторых ценностей. Капитализм калечит рабочего физически и морально — но калечит в сравнении с кем? Где этот эталон (относительно) неискалеченного человека? В средневековье — в облике свободного ремесленника, создающего если не шедевры, то эксклюзивные вещи, а не безликую штамповку: «...У средневековых ремесленников еще имеет место интерес к своей специальной работе и к умелому ее выполнению, интерес, который мог подниматься до степени примитивного художественного вкуса. Ремесленник был целиком поглощен своей работой, относился к ней с рабской преданностью и был гораздо больше подчинен ей, чем современный рабочий»⁸. Ремесленник поэтому скорее более, чем менее человек.

⁸ Маркс и Энгельс
1955: 52.

То же самое можно сказать про описанных Энгельсом работников доиндустриальной эпохи, которые «вели растительное и уютное существование, жили честно и спокойно, в мире и почете, и материальное их положение было значительно лучше положения их потомков; им не приходилось переутомляться, они работали ровно столько, сколько им хотелось, и все же зарабатывали, что им было нужно; у них был досуг для здоровой работы в саду или в поле — работы, которая сама уже была для них отдыхом, — и кроме того они имели еще возможность принимать участие в развлечениях и играх соседей; а все эти игры в кегли, в мяч и т.п. содействовали сохранению здоровья и укреплению тела. Это были большей частью люди сильные, крепкие, своим телосложением мало или даже вовсе не отличавшиеся от окрестных крестьян. Дети росли на здоровом деревенском воздухе, и если им и случалось помогать в работе своим родителям, то это все же бывало лишь время от времени, и, конечно, о восьми- или двенадцатичасовом рабочем дне не было и речи»⁹.

⁹ Энгельс 1955:
244.

В своем прославленном «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс писали о том, как «в ледяной воде эгоистического расчета буржуазия потопила священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма, мещанской сентиментальности <...> превратила личное достоинство человека в меновую стоимость и поставила

на место бесчисленных пожалованных и благоприобретенных свобод одну бессовестную свободу торговли <...> лишила священного ореола все роды деятельности, которые до тех пор считались почетными и на которые смотрели с благоговейным трепетом <...> сорвала с семейных отношений их трогательно-сентиментальный покров и свела их к чисто денежным отношениям»¹⁰. Все это означало, что в человеческой истории, по крайней мере, до капитализма (если не до классового общества в целом¹¹) были и «священный трепет», и «личное достоинство», и «свободы», и роды деятельности, и отношения, которые ценились сами по себе, «по-человечески». Хотя эта человечность часто описывалась Марксом и Энгельсом как «иллюзия», прикрывающая эксплуатацию, или как «опиум народа» (в случае религии), если бы она была *только* иллюзией, к ней нельзя было бы апеллировать, описывая *относительную* бесчеловечность капитализма.

Исходя из сказанного, дихотомия отчужденного и подлинного, человеческого и бесчеловечного или, если угодно, добра и зла у Маркса и Энгельса не совпадает с дихотомией реакционного и прогрессивного. Прогресс неизбежен, но его содержание не является безусловно благим во всех отношениях. Точно так же и теоретическое сознание, прямолинейно встающее на сторону всякого прогресса, вовсе не обязательно безошибочно и во всех отношениях превосходит в понимании происходящих перемен сознание реакционное или консервативное. «Реакционная» точка зрения вполне может оказаться превосходящей «прогрессивную» в плане глубины понимания таких перемен или хотя бы ввиду отсутствия исторической ограниченности. Как когда-то заметил по этому поводу Михаил Лифшиц, «передовые идеи прежних классов и партий, прогресс и культура, материализм и демократия в классовом обществе неизбежно носили ограниченный и односторонний характер. Отсюда известные преимущества, которыми обладали примитивные народы, определенные эпохи в искусстве, определенные умственные течения, связанные с отсталостью или оппозицией против исторически-прогрессивного буржуазного общества. Ложное в формально-экономическом смысле может быть истиной с точки зрения всемирной истории»¹².

Но касается ли все это исключительно феноменов теоретического или художественного сознания? Разумеется, реакционная точка зрения позволяет увидеть относительность прогресса Современности, обращая внимание на те ее моменты, которые пронизаны новым отчуждением. Но значит ли ее обращенность к прошлому, что она способна лишь на «реакционный утопизм» в том смысле, что вдохновляемые ею решения неосуществимы на практике, а если осуществимы, то ненадолго, что они не приведут к сколько-нибудь позитивному результату и будут смыты как хлипкая запруда на пути прогресса? Критика Марксом и Энгельсом «феодалного социализма», казалось бы, подтверждает это. Однако фактом является и то, что практика консерваторов, направленная на смягчение положения рабочих, женщин, рабов, вела к ослаблению отчуждения в конкретные исторические моменты, что, к примеру, соци-

¹⁰ Маркс и Энгельс 1974: 27–28.

¹¹ «Власть этой первобытной общности должна была быть сломлена, — и она была сломлена, — читаем мы в «Происхождении семьи, частной собственности и государства». — Но она была сломлена под такими влияниями, которые прямо представляются нам упадком, грехопадением по сравнению с высоким нравственным уровнем старого родового общества» (Энгельс 1961: 99).

¹² Лифшиц б.г.

альное государство на Западе в очень значительной мере есть плод деятельности консерваторов, если не «реакционеров». С достаточно давних времен принято считать, что один из источников трагедии революционеров — необходимость пользоваться старыми методами для реализации новой идеи¹³, в результате чего «народ загоняют в „старый хлев“, но уже другие хозяева»¹⁴. Но другая сторона того же исторического процесса заставляет реакционеров и консерваторов пользоваться новыми, порожденными революциями методами для реализации идей, *лишь выглядящих старыми*. Не говоря уже о том, что сами эти реакционеры и консерваторы часто бывают уже людьми, порожденными революциями и поэтому не способными *на деле* воспроизвести прежние социальные практики в их человеческом, экзистенциальном измерении.

Кроме того, «реакционный утопизм» не является синонимом ни практической неосуществимости, ни отсутствия социальной востребованности. Если понимать слово «утопизм» в обыденном смысле, то и в глазах Маркса, и с позиций либерального прогрессизма он означает всего лишь относительную недолговременность достигнутых результатов, обреченность на поражение с точки зрения постулируемого исторического мейнстрима. Однако, таким образом, утопизм мало чем отличается от *неутопизма*, поскольку и самое реалистическое решение сегодняшних проблем неизбежно становится проблемой завтра — и так же обречено на гибель.

Иными словами, реакционный и консервативный утопизм *объективно* могут решать социальные проблемы и ослаблять отчуждение, то есть «оказываться на своем месте» применительно к основной дихотомии марксовского понимания истории «отчужденное/неотчужденное». Консерватизм и реакционный утопизм способны играть эту роль в ситуации, когда они выступают от имени практики, как бы входящей в историю второй раз и поэтому осознающей себя исключительно в своей относительности к новому. Она *объективно* начинает выполнять функцию ограничения новой господствующей формы отчуждения, даже если ранее сама была ею. Перефразируя известное высказывание Маркса, можно сказать, что всякая практика выдвигается на сцену истории дважды — один раз в облике мейнстримной движущей силы, когда она в равной мере работает на самореализацию и самоотчуждение индивида, а второй раз в виде эмансипирующего и облегчающего бремя нового отчуждения фактора, когда ее собственная отчуждающая сторона забыта или отодвинута на задний план отчуждающими отношениями сегодняшнего дня.

Сама по себе социальная практика бывает однозначно прогрессивной или реакционной исключительно в рамках одномерной идеологизированной перспективы либерального мейнстрима социальных наук. В парадигме марксовской «предыстории» все эти оценки относительны. Эмансипаторский потенциал социальной практики проявляется тогда, когда она повторно вызывается на ковер истории, чтобы противостоять новейшим отношениям, обернувшимся очередным от-

¹³ Лифшиц 2004: 51.

¹⁴ Там же: 55.

чуждением. Например, только по мере того, как индивидуальная свобода, даваемая рыночной коммодификацией, оборачивается безличностью ледяного расчета, начинают по-новому смотреть на отношения личной зависимости, распространенные в прошлом, романтизируют их — и пытаются воспроизвести. В свою очередь слишком «лезущая в душу» частная благотворительность повышает привлекательность государственной социальной помощи — именно по причине ее формальной безличности. При этом приверженцы отсылающих к прошлому практик нередко обращаются к идеологемам, высвечивающим относительность «прогресса» и его издержки, отчуждающие моменты. Идеализация и романтизация практик прошлого обусловлены именно тем, что ко времени апелляции к ним они выступают уже не в собственном качестве, а исключительно со своей позитивной стороны, ставшей рельефной в сопоставлении с современностью. В силу их формальной обращенности в прошлое в дальнейшем мы будем называть их *ретро-практиками*.

¹⁵ Лифшиц 2009: 518.

По меткому замечанию Лифшица, «первый признак истинного таланта состоит в том, что он не может исказить истину, если бы даже захотел»¹⁵. Аналогичным образом истинная ретропрактика не может не способствовать объективному уменьшению отчуждения, даже если она облекается в реакционную или консервативную форму, принимая на вооружение соответствующую символику и идеологию. Поэтому следует отличать ослабляющую отчуждение функцию ретропрактик от в целом негативного и только увеличивающего степень отчуждения простого сочетания на определенных этапах истории старых и новых способов угнетения. Оно возникает, например, на ранних стадиях капитализма, когда тот еще не вполне вырос из докапиталистических отношений, или там, где капитализм вторгается в докапиталистические общества извне, превращая «традиционные» институты и практики в дополнительные инструменты эксплуатации.

Марксизм, либеральный прогрессизм и ретропрактики

Стоит особо указать на отличие марксизма от либерального прогрессизма применительно к ретропрактикам.

В ряде случаев Маркс высоко оценивал докапиталистическую аристократическую «реакционную» мысль за отсутствие буржуазной ограниченности и вытекающую отсюда способность видеть те аспекты человеческого бытия, те закономерности исторического развития, которых одномерный прогрессистско-либеральный взгляд не видит. В частности, высокой оценки удостоивались такие мыслители, как Уильям Коббет, Никола Ленге, Джемс Стюарт.

NB! Здесь уместно привести характеристику этих мыслителей, в том числе в свете восприятия их Марксом, данную Лифшицем: «Гениальный английский памфлетист Уильям Коббет был своеобразным романтиком, он идеализировал добрые старые времена — средне-

вековье. Маркс пишет: „Он был одновременно и самым консервативным и самым радикальным человеком в Великобритании — чистейшим воплощением старой Англии и наиболее смелым провозвестником молодой Англии“. <...> Уильям Коббет являлся „инстинктивным защитником народных масс против посягательств буржуазии... Как писатель, он остается непревзойденным“. <...> Один из самых серьезных мыслителей XVIII века Никола Ленге пошел гораздо дальше просветителей. Он показал, что буржуазная свобода является худшей формой рабства: это свобода от всякого стеснения в деле наживы за счет угнетенных наемных рабочих, поденщиков. Ленге был одним из предшественников Маркса в теории прибавочной стоимости. <...> У Маркса мы находим сравнение между передовыми людьми XVIII века — просветителями и аристократом Джемсом Стюартом. Защищая идеи прогрессивной демократии, просветители считали буржуазные отношения законом природы. „Стюарт, который во многих отношениях, в противоположность XVIII веку, как аристократ, больше стоит на исторической почве, избежал этого заблуждения“¹⁶.

¹⁶ Лифшиц б.г.

Марксова парадигма развертывания родовой сущности человека и преодоления отчуждения оперирует категориями более универсального порядка, чем прогрессистско-либеральная или либерально-консервативная парадигма и в целом мейнстрим политической теории, с которым мы имеем дело сейчас. В основе марксистского подхода лежит представление о наиболее человеческом, то есть неотчужденном, бытии, возможном в конкретный исторический период. При такой перспективе более важно деление практик не на прогрессивные и реакционные, а на отчуждающие и способствующие преодолению отчуждения. Даже если облегчающая отчуждение практика апеллирует к прошлому, облекается в «реакционные» или «консервативные» идеологические формы, она является гуманистически значимой, выходя тем самым за рамки «буржуазной ограниченности». Более того, даже если с точки зрения прогресса ретропрактикам предначертано сойти с исторической сцены, а оправдывающим их идеологиям — расписаться в несостоятельности и утопизме, то ориентирующиеся на них люди заслуживают сочувствия именно как люди, преодолевающие отчуждение доступными им способами. Наконец, немаловажно, что практики «современности» только *относительно* прогрессивны и потому не имеют весомого морального преимущества перед ретропрактиками. И они так же обречены на гибель (и частичное возрождение уже в виде ретропрактик и «неправильно понятых форм»¹⁷).

В основе же либерально-прогрессистского подхода лежит представление о необходимости для всех человеческих общностей пройти через одни и те же стадии развития, причем последующие заведомо прогрессивнее предыдущих. Поэтому сопротивление считающемуся в настоящий момент передовым и современным всегда реакционно;

¹⁷ В письме Фердинанду Лассалю от 22 июля 1861 г. Маркс говорит о «неправильно понятом старом» как о форме, в которой наследие прошлого используется в настоящем для решения специфических именно для настоящего задач. Как следствие, это «неправильно понятое старое» становится «всеобщей формой», которая на определенной ступени развития общества пригодна «для всеобщего употребления» (Маркс — Фердинанду Лассалю 1963: 504—505).

современное однозначно превосходит в моральном смысле то, что ему предшествовало. Несмотря на всю индивидуалистическую риторику, в центре либерально-прогрессистских воззрений находится вовсе не человек с его нуждами, радостями, страданиями, а некая актуальная модель современности, которой необходимо соответствовать, пройдя путь «модернизации». «Левая» версия такого дискурса в конечном счете рисует безрадостную картину человеческой истории, в которой в принципе нет ничего, кроме отчуждения, насилия, эксплуатации и борьбы, и которую надо как можно скорее проскочить ради достижения светлого будущего. Пример подобного плоско-прогрессистского понимания дает нам, в частности, Сильвия Федеричи: «Только с капиталистической точки зрения продуктивность может считаться моральной добродетелью, если не сказать моральным императивом. С точки зрения рабочего класса быть продуктивным означает лишь эксплуатацию. Поэтому быть производительным работником — это не удача, а несчастье»¹⁸. Здесь мы видим ту грань, за которой марксова «критика труда» прочитывается как его прямолинейное отрицание, а человеческая история, соответственно, превращается в беспросветную юдоль скорби. Здесь же становится очевидна разница между Марксом и современными леваками, которые фактически хотят *довести капитализм до крайних его проявлений*¹⁹ — вероятно, чтобы он рухнул под тяжестью собственных противоречий. Однако вернее будет предположить, что именно так процесс и пойдет, если предоставить его самому себе. Но последнее — утопия в плохом смысле. В действительности процесс развития капитализма не может идти без сопротивления, без попыток ограничить отчуждающие практики разными способами, всякого рода частичным отрицанием капитализма, в том числе посредством внешне реакционных ретропрактик.

¹⁸ Federici 2021: 13.

¹⁹ Что отчетливо просматривается в политике идентичности, продвижении идеи платы за домашний труд и т.п. Подробнее см. Фишман 2020: 46—48.

Модерн как эпоха ретропрактик

В связи с этим, обращаясь к современности, нельзя упускать из виду, что некоторые из практик, кажущихся исключительно консервативными или даже реакционными, представляют собой скорее ретропрактики — конечно же, эксплуатируемые соответствующими политическими силами и идеологиями, но играющие тем не менее самостоятельную историческую роль.

Прежде всего следует вспомнить, что изначальный, лежащий в основании Модерна «темпоральный режим» сфокусирован на прошлом, а вовсе не на настоящем и будущем²⁰. В истоках Модерна обнаруживается феномен революции. Но, как неоднократно отмечалось, слово «революция» в исходном значении апеллирует прошлому, к возврату, круговому движению — как и «реакция». Революционеры нередко прямо указывают на необходимость восстановления порушенных древних свобод, на забытые старые договоры между правителем и нацией, на нечто вроде утраченного «золотого века», к которому желательно вернуться. Поэтому великие революции Нового времени являются также

²⁰ Каминер 2022: 122.

и полев разворачивания ретропрактик (пусть преимущественно в области символики и мифологии), рядятся в римские тоги и т.д. Ретропрактическая сторона революций Нового времени выражается и в том, что эти революции парадоксальным образом оказывались и *восстаниями против Современности*, которая в глазах революционеров и предшествовавших им идеологов Просвещения представляла эпохой рабства, деспотизма и развращающей цивилизации. Эти рабство, деспотизм и развращающая цивилизация были плодами прогресса, и революция выступала против этих плодов, апеллируя к тем временам и практикам, когда прогресс еще не шагнул так далеко. Характерно в этом смысле, что самые ранние буржуазные революции совершались под сенью протестантского религиозного фундаментализма, провозглашавшего возврат к истинному христианству, утраченному по мере морального упадка средневековых обществ.

²¹ Подробнее см. Фишман и Мартынов 2021: 100—113.

Показателен и сам факт, что Модерн как нарратив существует в виде концепций, основанных на совокупности понятийных дихотомий²¹. Магистральному ряду понятий, выражающих «правильную сторону истории», противостоит симметричный ряд, описывающий сторону «неправильную», архаичную, реакционную — «проклятую сторону вещей». Тем не менее четко осознается, что стороны эти неразрывно связаны, что «проклятая сторона вещей» в основном порождена именно «светлой» и является реакцией на нее, а не ведет свое происхождение непосредственно из прошлого. Более того, «проклятая сторона вещей» со всеми ее концептами, философиями и индивидуальными практиками является адекватным средством частичного облегчения отчуждения, порожденного светлым ликом Модерна, — даже если взятая *сама по себе* она выглядит отталкивающей. Но она никогда не существует сама по себе. Постмодерн в этом смысле, то есть не только как нарратив, но и как набор практик, делающий акцент на «проклятой стороне вещей», потому и не может считаться альтернативой Модерну. Он есть его продолжение и мировоззренческое обоснование ретропрактической коррекции в эпоху, когда «революционное» продолжение Модерна по разным причинам оказывается невозможным. Зато Модерн все еще возможен как констелляция ретропрактик, в том числе и представляющих собой реакцию на либеральный прогрессизм на антиуниверсалистской подкладке (политика идентичности и т.д.).

Чтобы не выглядеть голословными, обратимся к ряду широко известных практик, определивших лицо Модерна за рубежом и в России.

К ретропрактикам можно отнести реформы в Англии XIX в., облегчавшие положение рабочих, женщин, детей. Как известно, в Англии во времена марксовой молодости женщины наряду с мужчинами по 15 часов трудились на фабриках — и в этом смысле были абсолютно равны мужчинам. Они нередко перенимали саморазрушительный образ жизни мужчин-пролетариев, сопровождавшийся фактическим отказом от ведения домашнего хозяйства, воспитания детей, вообще вступления в брак, пьянством и иными проявлениями эмансипации. Как от-

²² Federici 2021: 14.

²³ «Эти древние правила патриархата воскресли сейчас в СССР; там возродили патерналистские теории брака; и тем самым государство пришло к тому, что вновь потребовало от женщины стать эротическим объектом: в одной недавней речи советских гражданок призывали изящно одеваться, пользоваться косметикой и кокетничать, дабы удержать мужей и разжечь в них желание» (Бовуар 1997: 90).

²⁴ Хархордин 2002: 71.

²⁵ Вишнеvский 1998: 177.

²⁶ Юрчак 2014: 305—311.

мечает Федеричи, «после того как ужасные эпидемии и переутомление уничтожили рабочий класс и, что наиболее важно, волны пролетарской борьбы в 1830-х и 1840-х годах приблизили Англию к революции, потребность в более стабильной и дисциплинированной рабочей силе побудила капитал восстановить рабочую семью»²². Но, казалось бы, реакционное восстановление иерархических отношений в семье, возвращение женщины на кухню и к детям в действительности облегчили ее положение. Аналогичным образом «патриархальный» откат²³ в политике по отношению к семье в СССР в 1930-е годы, возврат к «семейным ценностям» в реальности сделал положение женщины гораздо более гарантированным, чем это было в период советской «сексуальной революции» 1920-х годов.

В качестве ретропрактик можно рассматривать и восходящие к церковному покаянию процедуры «обнаружения и подтверждения наличия сознательности коммуниста»²⁴, да и в целом практики выработки личностного начала в коллективах. Конкретно в СССР подобные практики становились опорой того, что Анатолий Вишнеvский называет консервативной модернизацией: «В корпорациях, всякого рода объединениях, союзах и т.п., которые позволяют власти иметь дело не с отдельными людьми, а с их корпоративными представителями, европейские политики и идеологи, включая и московских большевиков, видели путь к новому структурированию „масс“ и восстановлению утраченного порядка. Стержнем, объединявшим очень разные, на первый взгляд, направления мысли и действия, были поиски возможностей модернизации, опирающейся не на автономное „частное лицо“, а на соборного человека-винтика, включенного в какие-то новые формы коллективности, соответствующие промышленной и городской эпохе. Разумеется, теперь это уже не соборный крестьянин прошлых веков, но и не индивидуалистический автономный человек, не „буржуа“ или не вполне „буржуа“ западного типа»²⁵.

«Религиозное возрождение» в конце советского — начале постсоветского периода тоже можно квалифицировать как ретропрактику. Во многом оно осталось формальным именно потому, что только для меньшинства являлось собственно религиозной практикой спасения души. Для большинства же оно стало одним из способов отстаивания границ личной идентичности, обособления от лицемерного официоза, поиском свежей струи в жизни, одним из «пространств венаходимости»²⁶. Как только в постсоветские времена оказались доступны другие модусы существования, достигавшие той же цели, православие для большинства превратилось в потерявшую актуальность ретропрактику и довольно быстро вернулось к традиционному облику державной религии.

Ретропрактики были широко задействованы в формировании современных наций, которое сопровождалось обильными отсылками к героическому и романтическому докапиталистическому и даже дофеодальному прошлому. Это особенно заметно при становлении современного милитаризма, когда, чтобы сгладить эффект суровой муштры,

солдатам массовых армий прививали едва ли не племенную лояльность и сплоченность, а также воодушевляли их лестным сравнением с рыцарями и воителями древних эпох. Массы буржуазного, урбанистического, индустриального общества старались воспитывать в духе, далеком от «материалистической» эры Модерна, обращаясь за вдохновением к мифическому прошлому с приписываемой ему телесной чистотой и силой. Военная служба рекламировалась как лекарство от бесцельности существования, избавление от городского быта с его удушающим комфортом, противоядие от физического и морального упадка. «Прозаики и поэты романтизировали войну, уснащая свои произведения псевдо-средневековой символикой и языком»²⁷. Иными словами, именно в сравнении с отчуждающими элементами современности современные милитаризм и национализм приобретали эмансипаторские, облегчающие отчуждение черты ретропрактики. (В сущности, в этом и заключалось так называемое изобретение традиции: выработать работающую здесь и сейчас ретропрактику как «ответ на новую ситуацию в форме отсылки к ситуации старой»²⁸). Эти черты до сих пор имеют ключевое значение для нашей культуры и обуславливают привлекательность войны для очень значительной части людей.

²⁷ Осборн 2007: 622.

²⁸ Хобсбаум 2000: 48.

Аналогичные апелляции к романтизму и мироощущению доиндустриальных времен мы встречаем на уровне современных субкультур, ведущих свою историю от германских фёлькише или российских «коммунитариев». В последнем случае ретропрактическая природа этих субкультур особенно заметна: люди часто уходили в подобные общины для того, чтобы разрешить или облегчить экзистенциальные коллизии, вызванные процессами модернизации: «Основное содержание переживаний участников российского коммунитарного движения — *чувство отчужденности* (здесь и далее курсив наш — Л.Ф.) от государственных институтов и общества. <...> В связи с этим в жизни человека приобретают особо важную роль и наполняются новым содержанием такие институты частной жизни и неформальные группы, как семья, церковь, дружеские кружки и добровольные общественные объединения. <...> Это настроение могло находить свое выражение не только в образе чуждого общества, осуществление которого — дело далекого будущего, но и в стремлении „здесь и сейчас“ удовлетворить свою потребность в „теплых“ отношениях с окружающими путем создания тесного кружка единомышленников, живущих праведной жизнью и преследующих высокие цели»²⁹.

²⁹ Гордеева 2003: 227—229.

Социальное государство тоже во многом построено на ретропрактиках. В своих изначальных основаниях оно апеллирует к феодально-абсолютистским принципам заботы сюзерена о своих вассалах и иных служителях, притом главным образом служителях, полезных в военном, административном и экономическом плане. Лишь затем этот сочетающий утилитаризм и традиционализм принцип заботы распространяется на всех граждан. Тем самым они частично ограждаются от превратностей свободного рынка, получая своего рода «архаичную» ренту за одну

³⁰ Подробнее см. Фишман, Мартыанов и Давыдов 2019.

свою принадлежность к государству³⁰. Те же принципы в XX в. получают распространение в политике заключения «пожизненного контракта» с наемными работниками, в развитии корпоративизма, отчасти отсылающего к средневековым гильдиям.

³¹ Стедмен-Джоунз 2017: 133.

Со своей стороны неолиберализм в том его аспекте, в котором он апеллировал к свободному рынку, отчасти являлся реакцией именно на издержки прогресса в виде формализованного, бюрократического социального государства. Неолиберализм был прежде всего «практикой», которая радикализировалась по мере реализации идей социального государства и кейнсианского регулирования с сопутствующими им издержками, вызывавшими недовольство граждан. Поэтому его нельзя сводить к одному только обману и идеологической манипуляции. Принципам свободного рынка и личной инициативы под сенью неолиберализма пришла очередь выступить в роли ретропрактики. Неолибералы это по-своему осознавали, когда утверждали, что «от государства граждан защищает само существование частного рынка, а друг от друга их защищает сохранение конкуренции»³¹. Показательна эта риторика защиты граждан, согласно которой они обретают большую степень свободы именно потому, что *две отчуждающие социальные сферы нейтрализуют друг друга*. Это одна из причин того, что неолиберальная философия свободы оказалась близка многим. Иначе невозможно объяснить, почему неолиберализм нашел отклик у трудящихся масс, а не только у «среднего класса» и капиталистов. Практики, которым веком ранее очень многие и очень настойчиво хотели положить предел, были вновь привлечены ради ограничения нового отчуждения. Аналогичным образом, когда уже неолиберальная социальная политика исчерпала свой скудный эмансипаторский (ограничивающий отчуждение) потенциал, возвращение к казавшимся ранее ригидными и формальными практикам социального государства обретает новый, едва ли не революционный смысл — даже если оно осуществляется руками правых популистов. «Марин Ле Пен, объявляющая себя лидером французского национализма, по сути, имеет к якобинцам гораздо большее отношение, чем левый социалист Меланшон, объявляющий себя интернационалистом (ведь социалистический интернационализм воспроизводит на новом витке исторической спирали добуржуазный пан-европеизм)»³².

³² Вахитов 2023.

Ограниченность ретропрактик

В связи с вышесказанным необходимо указать на объективную ограниченность ретропрактик. Дело в том, что сопряженные с ними ожидания нередко оказываются завышенными, поскольку их освобождающий (или, шире, ослабляющий отчуждение) потенциал может полностью проявиться исключительно в условиях давления «прогрессивных» или «современных» форм отчуждения. Когда же это давление исчезает или трансформируется, теряется и значительная доля привлекательности самой ретропрактики. Это касается не только ретропрактик в чистом виде, но и разных видов эскапизма творческих и не очень

творческих людей, художественные формы которого утратили общественное значение со сменой эпох. Давно замечено, что кумиры диссидентствующей интеллигенции в своем большинстве не смогли создать после перестройки ничего равного по силе шедеврам «несвободного» советского периода их творчества. Это не означает, что для максимальной эффективности всякой творческой деятельности необходимо политическое и цензурное давление. Это значит лишь то, что созданные в дискомфортной, отчуждающей ситуации произведения потому и имеют ценность для современников, что служат отдушинами *конкретно для них*. Когда нужда в таких отдушинах отпадает, это, может, и не лишает величия уже созданное, но делает невостребованной ту конфигурацию талантов и личностных черт, которые данные произведения создавали.

Точно так же ограничен и потенциал ретропрактик, *вторичная* привлекательность которых утрачивается по мере того, как уже «изнутри» нового социального порядка появляются другие средства компенсации издержек «прогресса». Так, в СССР «семейные ценности» (в виде рудиментов патриархальной семьи) ослабевают по мере того, как государство начинает в большей степени, чем раньше, защищать женщину и ребенка, тем самым снижая их зависимость от мужчины и вообще от формального пребывания в браке. Сегодняшний акцент пропаганды на семейных ценностях вряд ли способен достичь своей цели, поскольку он не играет более роли ретропрактики. У всякой подлинной ретропрактики есть освобождающая функция, функция компенсации отчуждения, имеющая непосредственное отношение к экзистенциальным потребностям больших социальных групп. У нее имеется явный бенефициар (в данном случае — женщины). Сегодня у политики насаждения семейных ценностей нет ни бенефициара, ни функции. Женщину не от чего защищать — она уже достаточно защищена практиками советского и постсоветского периода. (В частности, поэтому у нас не прижился и современный западный феминизм.) Следовательно, бенефициаром такой политики может стать разве что абстрактная российская государственность, нуждающаяся для своего сохранения в притоке новых граждан. Насколько нужды этого бенефициара совпадают с экзистенциальными потребностями жителей России — другой вопрос. В этой ситуации попытка насадить семейные ценности оборачивается имитацией, когда утратившая творческую потенцию государственная бюрократия пытается вновь пустить в дело практики чуть ли не вековой давности на том основании, что когда-то они сработали.

Заключение

Несмотря на то что актуальность ретропрактик отражается в усилении влияния консервативных, а то и реакционных идеологов, левым непродуктивно отмахиваться от них как от непрогрессивных. Простое отрицание и клеймение, например, политики неоллибералов привели к долгой череде поражений. Аналогичная стратегия в отношении правого популизма не остановила роста его популярности. Упущение левых

³³ Подробнее см. Фишман 2023: 26—29.

³⁴ Плакроуз и Линдси 2021.

³⁵ Кинг и Пэтти 2022: 166.

³⁶ Исаев 2010.

заключается в том, что они не способны всесторонне осмыслить значение ретропрактик, видя в них только плохое. Потому популисты, ориентирующиеся на ряд элементов прошлого, для них всегда однозначно реакционны, одержимы ресентиментом³³ и в целом морально ущербны. Соответственно, левые оказываются в ловушке линейного прогрессизма («больше всяких свобод») и технологического детерминизма. Посыл данной статьи заключается вовсе не в том, что Маркс был консерватором или реакционером, а в том, что у Маркса не было стопроцентной предубежденности против «реакционной мысли», чем чаще всего страдают прямолинейные либеральные прогрессисты и многие марксисты. Это позволяло ему быть тоньше и адекватнее в оценке происходящего. Возможно, утрата этой гибкости, вырастающая из безоглядного пренебрежения «реакционным», и есть одна из причин проигрышей левых в современном мире. Если для них прошлое по определению не может быть кладезем *в том числе* практик, компенсирующих отчуждение, то единственным источником снятия отчуждения становится технический прогресс и все более радикально понимаемая либерализация, борьба с «предрассудками», интерсекциональным угнетением и прочий «прикладной постмодернизм»³⁴. О проблемах неравенства и эксплуатации зачастую говорится так, будто они решаются преимущественно за счет умелого администрирования и технологического прогресса. Как только появляются достаточные технические средства, требуется лишь относительно небольшая толика предвидения, здравого смысла и взвешенной политики, чтобы реформировать капитализм, прийти к некоему «построенному по плану, в целом справедливому обществу, основанному на использовании технологий для смягчения климатических рисков и неравенства одновременно»³⁵.

Считающие себя левыми и прогрессивными должны научиться замечать, что порой их оппоненты делают их, прогрессивных сил, работу, — разумеется, отличая выполнение такой работы от банального торжества мракобесия и реакции в собственном смысле слова. Настоятельная потребность в осмысляющей это теории отражается в том, что некоторые традиционные левые давно не просто объективно выступают как консерваторы, но и осознают себя в качестве таковых³⁶. В российском случае, однако, это сводится к банальному ностальгическому неосоветизму и стремлению сохранить определенные элементы советской социальной политики. Насколько эффективна подобная стратегия — отдельный вопрос; но очевидно, что она никак не помогает системным (вроде КПРФ) и внесистемным левым перехватить инициативу. В простом лоббировании протекционистской социальной политики системная левая оппозиция всегда будет плестись в хвосте государственной бюрократии, которая располагает реальными ресурсами для ее проведения в нужных себе объемах.

Современные общества, как и глобальный порядок в целом, переживают коренную ломку, которая должна изменить их облик. Нередко эта ломка окрашена скорее в правые, нежели в левые идеологические

тона, — и это при том, что сами критерии различения левого и правого уже в существенной мере размыты. Возможно, именно сейчас мы и живем в конце того, что Маркс называл человеческой предысторией. Последняя не может завершиться до тех пор, пока все ключевые практики Модерна, равно как и предшествовавших ему периодов, не исчерпают своего эмансипаторского потенциала и не будут возвращены в оборот в виде ретропрактик. Поэтому завершающий этап предыстории с традиционной левой точки зрения выглядит как эпоха реакции.

Однако именно во времена реакции появляется шанс на развитие теории. Учитывая все то, что было сказано выше, такая теория должна исходить из признания ключевого значения ретропрактик для облика возможного в текущий момент социализма. Опыт XX столетия свидетельствует о том, что апелляции к капиталистическим, советским и прочим ретропрактикам будут долго актуальны для сглаживания возникающих внутри нового общественного строя коллизий. Вряд ли сегодня можно всерьез говорить о коммунистической перспективе. Но если реальна перспектива социалистическая, то правомерно предположить, что современный социализм станет возможным преимущественно как сочетание ретропрактик — в том случае, если левые окажутся в состоянии практически осмыслить действительную роль в истории «консервативного» и «реакционного», не пренебрегая ими высокомерно.

Библиография

Арендт Х. (2014) *Между прошлым и будущим: Восемь упражнений в политической мысли*. М.: Изд-во Института Гайдара.

Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. (1924) Кн. 1. М.: Государственное изд-во.

Бовуар С. де. (1997) *Второй пол: В 2-х т.* М.: Прогресс; СПб.: Алетейя.

Вагнер П. (2022) «От господства к автономии: две эпохи прогресса в мировой социологической перспективе» // *Антиномии*, т. 22, № 3: 72—95. URL: https://www.ifp.uran.ru/netcat_files/647/688/40b1ebee7ca0cf8c4b906f3158be844c (проверено 24.11.2023).

Вахитов Р. (2023) «Почему консерватизм теперь должен быть левым?» // *Русский Лад*, 24.09. URL: <https://rus-lad.ru/news/r-vakhitov-rochemu-konservativizm-teper-dolzhen-byt-levym/> (проверено 24.11.2023).

Вишневский А.Г. (1998) *Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР*. М.: ОГИ.

Гордеева И.А. (2003) *«Забывшие люди»: История российского коммунистического движения*. М.: АИРО-XX.

«Исаев: Консервативная идеология и современная политическая система». (2010) // *ЦСКП*, 21.11. URL: <http://cskp.ru/2010/11/21/isaev-konservativnaya-ideologiya-i-sovremennaya-politicheskaya-sistema/?ysclid=losdxs3c2d325203815> (проверено 24.11.2023).

Каминер Т. (2022) «В ловушке настоящего: планирование, архитектура и время постмодерна» // *Антиномии*, т. 22, № 3: 119—135. URL:

https://www.ifp.uran.ru/netcat_files/786/857/73919965207ffff902f3ee88fdabffe (проверено 24.11.2023).

Кинг Б. и Р.Пэтти. (2022) *Техносоциализм: Как неравенство, искусственный интеллект и климатические изменения создают новый миропорядок*. М.: Олимп-Бизнес.

Лафарг П. (2012) «Право на лень» // Лафарг П. *Право на лень. Религия капитала*. М.: Либроком: 3—29.

Лифшиц М. (2004) *Что такое классика?* М.: Искусство XXI век.

Лифшиц М. (2009) *Почему я не модернист?* М.: Искусство XXI век.

Лифшиц М. *В чем сущность спора?* URL: <http://www.gutov.ru/lifshitz/texts/spor.htm> (проверено 24.11.2023).

«Маркс — Фердинанду Лассалю, 22 июля 1861 г.». (1963) // Маркс К. и Ф.Энгельс. *Сочинения*. Т. 30. М.: Государственное изд-во политической литературы: 504—505.

Маркс К. (1962) «Экономические рукописи 1857—1859 годов» // Маркс К. и Ф.Энгельс. *Сочинения*. Т. 46, ч. 1. М.: Государственное изд-во политической литературы: 3—553.

Маркс К. и Ф.Энгельс. (1955) «Немецкая идеология» // Маркс К. и Ф.Энгельс. *Сочинения*. Т. 3. М.: Государственное изд-во политической литературы: 7—544.

Маркс К. и Ф.Энгельс. (1974) *Манифест Коммунистической партии*. М.: Политиздат.

Осборн Р. (2007) *Цивилизация: Новая история Западного мира*. М.: АСТ; Астрель.

Плакроуз Х. и Дж.Линдси. (2021) *Циничные теории: Как все стали спорить о расе, гендере и идентичности и что в этом плохого*. М.: Individuum.

Стедмен-Джоунз Д. (2017) *Рождение неолиберальной политики: От Хайека и Фридмана до Рейгана и Тэтчер*. Москва: Мысль; Челябинск: Социум.

Фишман Л.Г. (2020) «Посткапитализм и последняя (анти)утопия нашего времени» // *Полития*, № 2 (97): 40—53. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2020-2\(97\)-40-53.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2020-2(97)-40-53.pdf) (проверено 24.11.2023).

Фишман Л.Г. (2023) «Концепция ресентимента и современность: в поисках ускользающего „компаратора“» // *Общественные науки и современность*, № 1: 20—33.

Фишман Л.Г. и В.С.Мартьянов. (2021) «Социальные науки и глобальная турбулентность: перезагрузка мейнстрима» // *Мировая экономика и международные отношения*, т. 65, № 1: 100—113.

Фишман Л.Г., В.С.Мартьянов и Д.А.Давыдов. (2019) *Рентное общество: В тени труда, капитала и демократии*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.

Хархордин О. (2002) *Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности*. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге; Летний сад.

Хобсбаум Э. (2000) «Изобретение традиций» // *Вестник Евразии*, № 1: 47—62.

Энгельс Ф. (1955) «Положение рабочего класса в Англии» // Маркс К. и Ф.Энгельс. *Сочинения*. Т. 2. М.: Государственное изд-во политической литературы: 231—517.

Энгельс Ф. (1961) «Происхождение семьи, частной собственности и государства» // Маркс К. и Ф.Энгельс. *Сочинения*. Т. 21. М.: Государственное изд-во политической литературы: 23—178.

Юрчак А. (2014) *Это было навсегда, пока не кончилось: Последнее советское поколение*. М.: Новое литературное обозрение.

Federici S. (2021) *Patriarchy of the Wage: Notes on Marx, Gender, and Feminism*. Oakland (CA): PM Press.

шолтца

L.G.Fishman
**NO DISRESPECT
 TO THE “REACTIONARY”**

Leonid G. Fishman — Doctor of Political Science; Professor; Chief Researcher at the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg). Email: lfishman@yandex.ru.

Abstract. The article addresses the question of why, despite the seemingly long-standing accumulation of economic and technical conditions sufficient for building, if not communism, then socialism, the left-wing forces are unable to take advantage of this, and yield the initiative to the right-wing, conservative, and even reactionary forces. The author explains this situation by the rationale that the mindset of the left is still dominated by a flat liberal progressivism characterized by cliché ideas about the progressive and the reactionary, but it lacks tools to adequately assess the reasons for the “reactionary” sympathies of the broad masses and to admit that these masses have “grounds for concern” at the very least.

As a theoretical basis, the article uses the concept of human prehistory of the classics of Marxism. The author demonstrates that the underlying dichotomy of the alienated and authentic, human and inhuman does not coincide with the dichotomy of “reactionary” and “progressive”. The Modern Age is examined as both an epoch of reaction (in the literal sense of the word, net of ideological connotations) and that of progress. In order to resolve these issues, the author introduces the concept of retropractice, which is supposed to help adequately describe these seemingly “reactionary” and “con-

servative” sides of Modernity. Retropractices, in contrast to “reaction”, possess an emancipatory and alienation-reducing potential. The flaw of the left is that they fail to comprehensively conceptualize the meaning of retropractices because they view them only as “reaction” and “conservatism” in the usual sense. However, socialism, if realized, will largely turn out to be precisely a set of retropractices.

Keywords: Marxism, Modernity, alienation, progress, reaction, retropractices, socialism

References

- Arendt H. (2014) *Mezhdú proshlym i budushchim: Vosem' uprazhnenij v politicheskoy mysli* [Between Past and Future: Eight Exercises in Political Thought]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara. (In Russ.)
- Arkhiv K.Marksa i F.Engel'sa* [Archive of K.Marx and F.Engels]. (1924) Vol. 1. Moscow: Gosudarstvennoe izd-vo. (In Russ.)
- Beauvoir S. de. (1997) *Vtoroj pol: V 2-kh t.* [Le Deuxième Sexe]. Moscow: Progress; St Petersburg: Aletheia. (In Russ.)
- Engels F. (1955) “Polozhenie rabochego klassa v Anglii” [Die Lage der arbeitenden Klasse in England] // Marx K. and F.Engels. *Sochinenija* [Works]. Vol. 2. Moscow: Gosudarstvennoe izd-vo politicheskoy literatury: 231—517. (In Russ.)
- Engels F. (1961) “Proiskhozhdenie sem'i, chastnoj sobstvennosti i gosudarstva” [Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staats] // Marx K. and F.Engels. *Sochinenija* [Works]. Vol. 21. Moscow: Gosudarstvennoe izd-vo politicheskoy literatury: 23—178. (In Russ.)
- Federici S. (2021) *Patriarchy of the Wage: Notes on Marx, Gender, and Feminism*. Oakland (CA): PM Press.
- Fishman L.G. (2020) “Postkapitalizm i poslednjaja (anti)utopiya nashego vremeni” [Post-Capitalism and Last (Sys)Topia of Our Time] // *Politeia*, no. 2 (97): 40—53. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2020-2\(97\)-40-53.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2020-2(97)-40-53.pdf) (accessed on 24.11.2023). (In Russ.)
- Fishman L.G. (2023) “Kontseptsija resentimenta i sovremennost': v poiskakh uskol'zajushchego „komparatora“” [The Concept of Ressentiment and Modernity: In Search of Elusive Comparator] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], no. 1: 20—33. (In Russ.)
- Fishman L.G. and V.S.Martianov. (2021) “Sotsial'nye nauki i global'naja turbulentnost': perezagruzka mejnstrima” [Social Sciences and Global Turbulence: Rebooting the Mainstream] // *Mirovaja ekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija* [World Economy and International Relations], vol. 65, no. 1: 100—113. (In Russ.)
- Fishman L.G., V.S.Martianov, and D.A.Davydov. (2019) *Rentnoe obshchestvo: V teni truda, kapitala i demokratii* [Rental Society: In the Shadow of Labor, Capital and Democracy]. Moscow: Izdatel'skij dom Vyshej shkoly ekonomiki. (In Russ.)

Gordeeva I.A. (2003) *“Zabytye ljudi”*: Istorija rossijskogo kommunitarnogo dvizhenija [“Forgotten People”: The History of Russian Communitarian Movement]. Moscow: AIRO-XX. (In Russ.)

Hobsbawm E. (2000) “Izobretenie traditsij” [The Invention of Tradition] // *Vestnik Evrazii* [Acta Eurasica], no. 1: 47–62. (In Russ.)

“Isaev: Konservativnaja ideologija i sovremennaja političeskaja sistema” [Isaev: Conservative Ideology and Modern Political System]. (2010) // *TsSKP* [The Center for Social and Conservative Policy], 21.11. URL: <http://cskp.ru/2010/11/21/isaev-konservativnaya-ideologiya-i-sovremennaya-politicheskaya-sistema/?ysclid=losdxs3c2d325203815> (accessed on 24.11.2023). (In Russ.)

Kaminer T. (2022) “V lovushke nastojashčego: planirovanie, arkhitektura i vremja postmoderna” [Trapped in the Present: Planning, Architecture and Postmodern Time] // *Antinomii* [Antinomies], vol. 22, no. 3: 119–135. URL: https://www.ifp.uran.ru/netcat_files/786/857/73919965207fffef902f3ee88fdabbfe (accessed on 24.11.2023). (In Russ.)

Kharkhordin O. (2002) *Oblichat’ i litsemerit’*: genealogija rossijskoj lichnosti [To Denounce and Dissemble: Genealogy of the Russian Personality]. St Petersburg: Evropejskij universitet v Sankt-Peterburge; Letnij sad. (In Russ.)

King B. and R.Petty. (2022) *Tekhnosotsializm: Kak neravenstvo, iskusstvennyj intellekt i klimatičeskie izmenenija sozdajut novyj miroporjadok* [The Rise of Technosocialism: How Inequality, AI and Climate Will Usher in a New World Order]. Moscow: Olimp-Biznes. (In Russ.)

Lafargue P. (2012) “Pravo na len” [Le Droit à la paresse] // Lafargue P. *Pravo na len’. Religija kapitala* [Le Droit à la paresse. La Religion du Capital]. Moscow: Liberkom: 3–29. (In Russ.)

Lifshits M. (2004) *Čto takoe klassika?* [What Is a Classic?] Moscow: Iskusstvo XXI vek. (In Russ.)

Lifshits M. (2009) *Počemu ja ne modernist?* [Why Am I Not a Modernist?] Moscow: Iskusstvo XXI vek. (In Russ.)

Lifshits M. *V chem sushčnost’ spora?* [What Is the Essence of the Dispute?] URL: <http://www.gutov.ru/lifshitz/texts/spor.htm> (accessed on 24.11.2023). (In Russ.)

“Marks — Ferdinandu Lassalju, 22 ijulja 1861 g.” [Marx to Ferdinand Lassalle, July 22, 1861]. (1963) // Marx K. and F.Engels. *Sočinenija* [Works]. Vol. 30. Moscow: Gosudarstvennoe izd-vo političeskij literatury: 504–505 (In Russ.)

Marx K. (1962) “Ekonomičeskie rukopisi 1857–1859 godov” [Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie] // Marx K. and F.Engels. *Sočinenija* [Works]. Vol. 46. Part 1. Moscow: Gosudarstvennoe izd-vo političeskij literatury: 3–553. (In Russ.)

Marx K. and F.Engels. (1955) “Nemetskaja ideologija” [Die deutsche Ideologie] // Marx K. and F.Engels. *Sočinenija* [Works]. Vol. 3. Moscow: Gosudarstvennoe izd-vo političeskij literatury: 7–544. (In Russ.)

Marx K. and F.Engels. (1974) *Manifest Kommunisticheskoy partii* [Manifest der Kommunistischen Partei]. Moscow: Politizdat. (In Russ.)

Osborne R. (2007) *Tsivilizatsija: Novaja istorija Zapadnogo mira* [Civilization: A New History of the Western World]. Moscow: AST; Astrel'. (In Russ.)

Pluckrose H. and J. Lindsay. (2021) *Tsinichnye teorii: Kak vse stali sporit' o rase, gendere i identichnosti i chto v etom plokhogo* [Cynical Theories: How Activist Scholarship Made Everything about Race, Gender, and Identity — and Why This Harms Everybody]. Moscow: Individuum. (In Russ.)

Stedman Jones D. (2017) *Rozhdenie neoliberal'noj politiki: Ot Hajeka i Fridmena do Rejgana i Tetcher* [Masters of the Universe: Hayek, Friedman, and the Birth of Neoliberal Politics]. Moscow: Mysl'; Chelyabinsk: Sotsium. (In Russ.)

Vishnevsky A.G. (1998) *Serp i rubl': Konservativnaja modernizatsija v SSSR* [Sickle and Ruble: Conservative Modernization in the USSR]. Moscow: OGI. (In Russ.)

Vakhitov R. (2023) “Pochemu konservatizm teper' dolzhen byt' levym?” [Why Should Conservatism Be Left-Wing Now?] // *Russkij Lad* [Russian Mood], 24.09. URL: <https://rus-lad.ru/news/r-vakhitov-pochemu-konservatizm-teper-dolzhen-byt-levym/> (accessed on 24.11.2023). (In Russ.)

Wagner P. (2022) “Ot gospodstva k avtonomii: dve epokhi progressa v mirovoj sotsiologicheskoy perspective” [From Domination to Autonomy: Two Eras of Progress in World-sociological Perspective] // *Antinomii* [Antinomies], vol. 22, no. 3: 72—95. URL: https://www.ifp.uran.ru/netcat_files/647/688/40b1ebee7ca0cf8c4b906f3158be844c (accessed on 24.11.2023). (In Russ.)

Yurchak A. (2014) *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos': Poslednee sovetskoe pokolenie* [Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)